

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/13/6

В.М. Грязнова

ЛИЧНЫЕ СУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ МУЖСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПАЦИЕНСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX СТОЛЕТИЯ (ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ И ТЕКСТОВ)

Рассматриваются словарные толкования номинаций лица мужского рода со значением «пациент», взятые из различных по своему типу словарей XIX в., а также текстов этого периода. Обосновывается положение о том, что представленные дефиниции и контексты могут служить источником информации о семантических процессах, происходящих в личных именах с пассивным значением в XIX в. Автор выявляет обогащение исследуемых имен за счет включения в их структуру компонента «агенса» / «носитель состояния», виды совмещения названных компонентов.

Ключевые слова: дефиниция, словарное толкование, семантический актант, субъект, объект, агентс, пациентс.

Статья посвящена изучению динамики суффиксальных личных наименований мужского рода со значением пациента в языке XIX в. Изменения в значении названных существительных не являлись предметом специального анализа в литературе по словообразованию и лексикологии указанного хронологического среза. В целом существительные с пассивным значением в русском языке XIX столетия являются недостаточно изученными. В коллективной монографии «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» [1], являющейся основным исследованием по словообразованию XIX столетия, словообразовательные типы со значением пациента не только не изучаются, но даже не упоминаются.

В книге Р.В. Железновой «Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI–XX)» внимание ученого сосредоточено на номинациях лица с агентивно-профессиональным значением, мотивированные личные имена со значением пациента не выделяются [2]. В работе «Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв.» имена со

значением пациенса в качестве отдельной лексико-тематической группы или словообразовательного типа не рассматриваются, есть только отдельное замечание по отношению к отглагольным именам на -ник: «...в именах на -ник идея активного производителя действия выражена приглушенно. Это находит яркое подтверждение в свойстве отглагольных имен на -ник иметь, наряду с активными, пассивные значения (ср. *ученик* ‘тот, кого учат’, *посланник* ‘тот, кого послали’, *крестник* ‘тот, кого крестили’ и т.д.)» [3. С. 27]. Р.В. Бахтурина, исследовавшая отглагольные имена лиц в древнерусском языке, пришла к выводу, что в этот период «для выражения пассивных значений активизируется модель образования имен лиц от основ страдательных причастий» [4. С. 192].

Материалом исследования послужили словари иностранных слов, толковые, энциклопедические, диалектные словари XIX в. (список представлен в конце статьи), а также тексты художественных, публицистических произведений XIX столетия. Исходный словник был выбран из толковых словарей Императорской АН, затем он уточнялся и пополнялся за счет материалов иных словарей, а также текстов. Объем картотеки более 500 единиц.

В работе анализ сосредоточен на изучении семантических ролей объекта и субъекта в содержании суффиксальных имен мужского рода. Выделение в значении лексемы различных семантических актантов привело лингвистов к более тонкому и точному его описанию. «Актанты одной лексемы различаются ролями, которые они выполняют в соответствующей ситуации» [5. С. XVII].

Под таким актантом, как субъект, Ю.Д. Апресян понимает «первый семантический актант подавляющего большинства предикатов, соответствующий тому участнику ситуации, который производит действие» [Там же. С. XXXI]. Из видов субъекта нас прежде всего интересует агент – такой субъект, который тратит энергию (производит действие, занимается деятельностью) и представляет собой одушевленного инициатора событий, описываемых соответствующим предикатом той или иной ситуации. Агент в работе противопоставлен носителю состояния, также являющемуся видом субъекта.

Под объектом Ю.Д. Апресян понимает «семантический актант глаголов действия, обозначающий такой предмет, который непосредственно подвергается данному действию» [Там же. С. XXV]. В нашей работе внимание сосредоточено на основном виде объекта, называе-

мом чаще пациенсом, – лице, которое испытывает эффекты действия другого лица или силы, т.е. «участника, вовлеченного в ситуацию, которую он не контролирует и не исполняет. <...> Чашка разбита, Заяц мертв, Охотник убил зайца» [6. С. 369]¹.

Для словообразовательной системы русского литературного языка XIX столетия наименования со значением пациенса неактуальны и немногочисленны: преобладали существительные со значением агенса (такие его виды, как чистый деятель типа *обрыватель* ‘обрывающий’, род занятий, ремесло типа *скатертник* ‘ремесленник, делающий скатерти’), со значением носителя признака типа *остроумник* или состояния типа *мечтатель* [7]. Хотя массив имен, обладающий значением пациенса, был небольшим, в этот период существовало семь словообразовательных типов (СТ), к которым относились суффиксальные существительные мужского рода с пассивным значением. По данным словарей, это следующие типы (в порядке убывания количества имен):

1. Мотивирующим словом является страдательное причастие прошедшего времени, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ик, неменяющееся место ударения²: *вскормленник* ‘питомец, кто другим воспитан, вскормлен’ (СС, ч. 1, с. 345), *искупленник* ‘избавленный, выкупленный из плена, неволи’ (СС, ч. 1, с. 1059), *осужденник* ‘преступник, осужденный к понесению какого наказания’ (СС, ч. 2, с. 203), *допущенник* ‘поселенец на чужой земле с позволения хозяина’ (СТ, т. 2, с. 79), *воспитанник* ‘воспитываемый или воспитанный’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 163), *задержанник* ‘задержанный под стражею’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 16), *призренник* ‘призренный где-либо, находящийся под чьим-либо покровом’ (Сл. 1847 г., т. 3,

¹ Необходимо подчеркнуть, что нас интересуют *семантические* актанты, которые характеризуют *содержание* языковой единицы со значением пациенса, *синтаксические* актанты, характеризующие *план выражения* названной языковой единицы, не входят в предмет нашей работы. Подчеркнем, что «взаимно-однозначного соответствия между семантическими и синтаксическими актантами, семантическими и синтаксическими валентностями не существует» [8. С. 142].

² В работе принято следующее понимание СТ: «Схема построения *слов* определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или *другие словообразовательные средства*)» [9. С. 135].

с. 466), *избранник* ‘избранный, выбранный из числа многих для какого-либо назначения’ (СД, т. 2, с. 19)¹ и т.п.

2. Мотивирующим словом является страдательное причастие прошедшего времени, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ец, неменяющееся место ударения: *изверженец* ‘кто лишен сана, достоинства, или изгнан откуда’ (СС, ч. 1, с. 993, аналогично в Сл. 1847 г., т. 2, с. 104), *обрезанец* ‘тот, над кем совершен обряд обрезания’ (СС, ч. 2, с. 57), *подосланец* ‘тайно подосланный для разведания или вымотра чего-л.’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 268), *сведенец* ‘человек, сведенный с одного места жительства на другое’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 97), *изгнанец* ‘высланный из государства за какое-либо преступление’ (СС, ч. 1, с. 1005, аналогично в Сл. 1847 г., т. 2, с. 110), *переведенец* ‘селянин, переведенный с одной земли на другую, переселенец’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 172), *избранец* ‘то же, что избранник, но в более низком, житейском значении (избранный, выбранный из числа многих для какого-либо назначения)’ (СД, т. 2, с. 19) и т.п.

3. Мотивирующим словом является существительное конкретной семантики, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ник/-ик, неменяющееся место ударения, иногда чередование заднеязычных согласных с шипящими: *богадельник* ‘призренный в богадельне’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 466), *каторжник* ‘содержимый на каторге’ (СС, ч. 1, с. 1119), *колодник* ‘всякой, содержимый под стражею’ (СС, ч. 1, с. 1177), *острожник* ‘содержащийся в остроге’ (СС, ч. 2, с. 199, аналогично в Сл. 1847 г., т. 3, с. 89), *узник* ‘заключенный в узы, содержимый под стражей’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 332) и т.п.

4. Мотивирующим словом является глагол СВ или НСВ, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ник, неменяющееся место ударения (кроме слова *приставник*), иногда чередование согласных по твердости – мягкости (*крестник*): *приобщник* ‘присоединенный или приобщенный к кому-л. или к чему-л.’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 510), *обручник* ‘тот, кто обручен, жених’ (СС, ч. 2, с. 56), *приставник* ‘приставленный для надзора за кем-л. или хранения чего-л.’ (Сл. 1847, т. 3, с. 403), *крестник* ‘принятый кем-л. от купели, крестный сын’ (Сл. 1847, т. 1, с. 219).

¹ В Сл. Даля мотивирующее страдательное причастие зафиксировано с двумя вариантными ударениями – *избранный* и *избранный*, соответственно два вариантных ударения имеет и существительное; аналогично в Сл. 1847 г., т. 2, с. 106.

5. Мотивирующим словом является глагол СВ, словообразовательным формантом – суффикс -ыш, меняющееся место ударения (кроме слова *подкидыш*), нередко происходит чередование согласных: *отрепыш* ‘оборвыш, лохмотник, оборванец’ (СД, т. 2, с. 1947), *оборвыш* ‘кто ходит в оборванной одежде, в отрепьях’ (СД, т. 2, с. 1571), *подкидыш* ‘подкинутый младенец’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 262), *заморыш* ‘в просторечии говорится о таком, кто изнурен беспрестанною работою или худою пищею’ (СС, ч. 1, с. 862), *заморыш* ‘исхудавший от недостатка пищи’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 39), *обменыш* 1) ‘по народному поверью детище лешего, обмененное на христианского младенца, еще не крещенного. Этот обменыш до 14 лет живет с людьми, а потом уходит в лес к родителям своим и становится лешим’ (Опыт, с. 153).

6. Мотивирующим словом является страдательное причастие прошедшего времени, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ыш, неменяющееся место ударения: *найденныш* ‘младенец, подкинутый и кем-л. найденный, подкидыш’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 370), *замореныш* ‘от недостатка в пище исхудавший, изнуренный’ (СС, ч. 1, с. 861).

7. Мотивирующим словом является глагол СВ, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -щик, место ударения может меняться: *посельщик* ‘поселенный, сельский’ (СД, т. 3, с. 862), *высельщик* ‘тот, кого выслали на новое место жительства’ (по данным картотеки)¹.

Тенденция к сокращению наименований лиц с пассивным значением выражалась по-разному. Прежде всего, в незначительной продуктивности словообразовательных типов с данным значением, что отражено в лексикографической практике того времени. Определенную роль играли и процессы, происходившие в содержании существующих лексем со значением пациенса. В целом их можно описать как внедрение в структуру имени с пассивным значением иной семантики (агенса, носителя состояния), что выявлено нами как в словар-

¹ Наименования женского рода, соотносительные с описанными мотивированными словами мужского рода, в толковых словарях отмечаются: *избранница*, *посельщица* (СД, соответственно т. 2, с. 19, т. 3, с. 862), *богадельница* (СС, ч. 1, с. 114), *изгнанница*, *изверженница* (Сл. 1847 г., соответственно т. 2, с. 110, 104,) и т.п. Исключение составляют словарные статьи существительных типа *подкидыш* и *найденныш*. Женские коррелятивные имена в данной работе не изучаются.

ных дефинициях, так и в текстах того времени. Существовало три вида таких процессов.

1. Первый вид – совмещение в структуре полисемичного имени пассивного и агентивного значения.

Переселенец. В Сл. 1847 г. оно отмечено только в активном значении ‘переселившийся из одной страны в другую’. В текстах этого периода лексема *переселенец* употребляется как в активном, так и в пассивном значении.

Пациенс ‘те, кого переселили, переселяют’: «Еще не могу не упомянуть о докладе главного управляющего Кавказом, князя Голицына, в котором он настаивает на том, чтобы *переселенцы*, вселяемые из России на Кавказ, были непременно православного вероисповедания. Хочется спросить: в целях чего? Более успешной русификации или поднятия земледелия?» (С.М. Волконский. Мои воспоминания. Т. 2).

Агенс ‘те, кто переселился’: «Здесь толпился целый полк рабочих; они рыли землю, обтесывали камни, возили мусор. Это все *переселенцы* из португальской колонии Макао. Едва англичане затеяли здесь поселение и кликнули клич, как Макао опустел почти совсем. Работа, следовательно, хлеб и деньги, переманили сюда до тридцати тысяч китайцев. Вместо нищества в Макао они предпочли здесь бесконечный труд и неиссякаемую плату» (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Посельщик. Это слово впервые зафиксировано в Сл. Даля, но без толкования его значения. В текстах XIX в. эта лексема употреблялась в двух значениях:

а) ‘сосланный на поселение’ (т.е. тот, кого поселили в определенном месте, пациенс): «Сибирских крестьян можно разделить на три разряда: на старожилов, кои все почти довольно зажиточны, – у редкого найдете во дворе менее 4 или 6 лошадей; у иных до 30 или 40, и в изобилии всего, что принадлежит к сельскому хозяйству; на переселенцев, переходящих в Сибирь из разных Русских Губерний целыми семьями с домашним скарбом, которые, будучи народом промышленным, довольно скоро разживаются, и, наконец, на так называемых *посельщиков*, отправляемых туда за разные проступки» (А.О. Корнилович. Записки из Алексеевского равелина);

б) ‘тот, кто поселился на новом необжитом месте’ (агенс): «И вот в мирной, безответной степи поселились безответные Ивановы смиренность и ласка. <...> – Чай, это мы, тятенька, к ужину-то молодцы по-

спевать, живо распряжем, – проговорил приезжий, въезжая в темный двор *посельщика*» (А.И. Левитов. Степные выселки).

Необходимо отметить, что ряд исследуемых суффиксальных существительных толкуется в словарях XIX в. неоднозначно и непоследовательно: в одних словарях этим именам дается характеристика субъекта, в других – объекта действия, в третьих – и субъекта, и объекта. Так, *поселенец* зафиксировано в Сл. 1847 г. только в пассивных значениях: 1) 'поселенный где-л.' и 2) 'сосланный в Сибирь на поселение' (т. 3, с. 381). В Сл. Даля это слово, кроме значения пациенса, в качестве периферийного имеет и агенс: *поселенец* 'поселенный, пришлый житель... а иногда переселенцы, новоселы, выселенцы' (т. 3, с. 862)¹. В Сл. 1847 г. *отверженец* зафиксировано с пассивным значением 'отверженный, оставленный другими' (Сл. 1847 г., т. 3, с. 96), а в Сл. Соколова у него два значения, причем на первое место лексикограф поставил агентивное значение, а пассивное – на второе место: *отверженец* 'означает того, кто отверг или отступил от чего, или сам от других отвержен, отринут, оставлен' (СС, ч. 2, с. 214). Там же *взысканец* характеризуется как носитель состояния 'кто пользуется чьею к себе благосклонностью, милостию' (СС, ч. 1, с. 232), а в Сл. Даля толкуется как пассивное: *взысканец* 'облагодетельствованный кем, взысканный милостями' (Сл. Даля, т. 1, с. 494).

Сосуществование пассивного и активного значений в структуре полисемичных имен типа *поселенец*, *переселенец*, *выселенец*, на наш взгляд, объясняется динамикой в содержании подобных слов, а именно развитием исторически первого пассивного значения, обусловленного семантикой мотивирующего страдательного причастия. В нем отражен «ретроспективный взгляд» носителя языка, акцентирующий начальную точку в характеристике лица как объекта совершённого действия, а в непассивном значении – «взгляд» носителя языка, акцентирующий не-начальную точку в характеристике сложного состояния того же лица. Этому способствует отсутствие предтекста или упоминание субъекта совершённого действия, что придает ему оттенок самопроизвольности. Такое новое значение выражается в толкованиях, описывающих лицо как носителя состояния, типа *поселенец* 'тот, кто живет в выселке', *переселенец* 'тот, кто живет на новом месте'.

¹ Ср.: *переселенец* у Даля 'переселившийся куда-либо' (т. 3, с. 204), *выселенец* 'выселившийся куда' (т. 1, с. 766).

Эта же дефиниция является корректной в отношении того, кто сам поселился в новом, необжитом месте, сам выселился, переселился в новый поселок. Смежность различных реалей: лица как объекта действия, как носителя состояния, возникшего в результате этого действия, как субъекта иного действия, связанного с первым действием причинно-логическими связями, – дала основание для возникновения значения агенса в структуре существительного типа *поселенец, переселенец, выселенец* ('тот, кто сам поселился или выселился'). Ситуация, которая исходно представлялась как вызванная чужой волей, изменяется в некаутированную, не имеющую внешнего агенса и происходящую без вмешательства извне. В этой новой ситуации агентс является внутренним ее участником. Активное значение подобных лексем семантически соотносится не со страдательным причастием, а с однокоренным возвратным глаголом (*поселиться, переселиться, выселиться*).

2. Второй вид – совмещение в содержании однозначного личного имени пассивного и неактивного компонента (или в одном из значений полисемичного имени).

Подобное явление характерно в нашем материале для лексем *пленник, каторжник, узник, тюремник, темничник, ссылочник, острожник, любовник* и т.п. Семантика названных существительных может быть охарактеризована одновременно как объект одного действия, вызванного другим действием (реже как субъект другого действия). Разные действия (по лексическому значению, по модальным и аспектуальным характеристикам) выражают неодинаковый взгляд носителя языка на одно и то же называемое лицо. Приведем примеры возможных толкований подобных слов: *тюремник* 'тот, кто заключен в тюрьму / тот, кто находится в тюрьме', *острожник* 'тот, кто заключен в острог / тот, кто находится в остроге'.

В Сл. 1847 г. названные имена в своем большинстве зафиксированы в пассивном значении (как и в других толковых словарях): это *каторжник, пленник, тюремник, узник, темничник, острожник*, в то же время *ссылочник* толкуется в нем как обладающее только агентивным значением ('живущий в ссылке' – т. 3, с. 216), а *любовник* как имеющее и агентивное и пассивное значение ('любящий особу другого пола и пользующийся взаимной любовью', т.е. тот, кто любит, и тот, кого любят – т. 2, с. 274). В Сл. Соколова, в отличие от Сл. 1847 г.,

существительное *узник* описывается как имеющее значение носителя состояния ('тот, который содержится под стражей' – ч. 2, с. 1554).

Покажем реализацию пассивного и агентивного компонентов в одном и том же значении названных имен в текстах XIX столетия. В одних текстах один из компонентов преобладает, в других – семантика пациенса и агенса / носителя состояния сосуществуют в качестве равноправных элементов.

Пленник. 1) «Отступая к королевскому двору, они вбежали во двор, хотели затворить ворота; но всадники Самуила бросились на них и открыли путь Грекам. – Борис, ты мой *пленник!* – сказал один из них королю, которого окружили уже враги его. – Кто ты, изменник? – вскричал Борис» (А.Ф. Вельтман. Райна, Королева болгарская) – *пленник* 'тот, кого взяли в плен', пациенс. 2) «Я был, наконец, *пленник*: меня консул александрийский выменял на слона. – Почему же александрийский консул? – вмешался в разговор князь. – Он всегда интересовался дипломатическим корпусом и считал его почему-то близким себе» (А.Ф. Писемский. Русские лгуны) – *пленник* 'тот, кто находился в плену', носитель состояния. 3) «Улыбка показалась на щеках урядника, когда он заметил опаленные волосы и брови несчастного *пленника*, который, не спуская с него глаз и перестав кричать, казалось, старался на лице казака прочесть свой приговор» (М.Ю. Лермонтов. Вадим) – *пленник* 'тот, кого взяли в плен + тот, кто находится в плену', пациенс + носитель состояния.

Любовник. 1) «Мы не враги, Сальгар, с тобой! Умолкни, ветер, хоть на мгновенье! Остановись, поток седой! Быть может, что *любовник* мой Услышит голос, им любимый! Сальгар! здесь Кольма ждет» (Д.В. Веневитинов. Песнь Кольмы) – *любовник* 'тот, кого я люблю', пациенс. 2) «Страшна мне, друзья мои, Краса черноокая; За темной завесою Душа ее кроется, *Любовник* пылает к ней Любовью тревожною, И взорам двусмысленным Не смеет довериться» (Е.А. Баратынский. Лазурные очи) – *любовник* 'тот, кто любит', агенс.

Полагаем, что совмещение пассивного и непассивного компонентов в рамках одного значения существительного типа *каторжник*, *узник*, *пленник*, *любовник* свидетельствует о сложности обозначаемой реалии и обусловлено коммуникативными намерениями говорящего. Выбор одного или другого семантического компонента отражает прежде всего изменения в намерениях говорящего (**как** носитель языка хочет представить соответствующую ситуацию и её участников

для выражения своих коммуникативных и прагматических целей), а не в ситуации реального мира.

В зависимости от отношения говорящего к сообщаемым сведениям, от его точки зрения на данную ситуацию происходит ранжирование семантических ролей, которые могут обозначать названные лексемы. Внимание говорящего переключается, в «кадр» попадает то один, то другой участник ситуации. При этом референт не меняется. Таким образом, мы наблюдаем ситуацию кореферентности, которая предполагает, что какие-то два участника ситуации (в нашем случае пациенс и агенс / носитель состояния) соотносятся с одним и тем же лицом, происходит ролевое раздвоение.

Виды кореферентности в значении одной и той же лексемы могут различаться. Если в семантике лексемы *любовник* перед нами рефлексивная интерпретация (происходит ролевое разделение участника ситуации на активного и пассивного), то в семантике имен *каторжник*, *пленник* трудно отграничить рефлексивную интерпретацию от декаузативной: ситуация, которая исходно представлялась как агентивная, каузированная волей определенного лица (выражается предикатами «сослать на каторгу», «взять в плен»), изменяется в ситуацию, происходящую без внешнего агенса (выражается предикатами «находиться на каторге», «находиться в плену»).

3. Третий вид – совмещение в значении однозначного существительного компонентов «пациенс» и «агенс», разных по наличию / отсутствию в них указания на служебное положение, на социальную иерархию.

Активный и неактивный компоненты в таких именах являются неравноправными. Агенс характеризует человека по роду занятий, он главенствует. Пациенс описывает определенные обязанности именуемого, выражает знания и мнение говорящего как центра речевой деятельности по поводу места лица в служебной иерархии (т.е. относится к прагматике) и является добавочным. Приведем примеры.

СТ: *машинист* ‘вообще человек, хорошо знакомый с устройством известной машины и приставленный к ней для присмотра, пущения ее в ход и исправления, когда бывает нужно’ (т. 2, с. 822); *сыщик* ‘лицо, определенное для разыскивания беглых воров и разбойников и для произведения розысков в чрезвычайных обстоятельствах’ (т. 3, с. 579); *вербовщик* ‘посылаемый от правительства для вербовки’ (т. 1, с. 442);

Сл. 1847 г.: *рогаточник* ‘сторож, приставленный к рогаткам’ (т. 4, с. 66); *гуменщик* ‘приставленный к надзору за гумном’ (т. 1, с. 302);

аукционист ‘назначенный из купцов к продаже с публичного торга движимого и недвижимого имущества или товаров’ (т. 1, с. 16); *скотник* ‘человек, приставленный смотреть и ухаживать за домашним скотом’ (т. 4, с. 138); *ломщик* ‘работник, употребляемый при ломке чего-л.’ (т. 2, с. 263); *счетчик* ‘определенный для считания денег’ (т. 4, с. 256); *браковщик* ‘определенный к бракованию товаров’ (т. 1, с. 79).

СС: *больничник* ‘пристав, коему поручено смотрение, хождение за больными’ (ч. 1, с. 130); *дворник* ‘служитель, которому поручается в смотреии дом и двор, чтобы они были чисты и в сохранности’ (ч. 1, с. 594); *гуменщик* ‘приставленный к гумну’ (ч. 1, с. 578); *вестовщик* ‘определенный к подаванию вестей’ (ч. 1, с. 477).

СБ: *мелец* ‘кто приставлен или нанялся молоть’ (т. 1, с. 1843); *конторищик* ‘человек, избираемый из дворовых людей или нанятой’ (т. 1, с. 309); *сырейщик* ‘служитель, приставленный приготавливать собакам корм и сдирать кожи с издохших животных’ (т. 2, с. 261).

СД: *пастух* ‘кому поручено пасти скот, стадо’ (т. 3, с. 52), *зашиватель*, *зашивала*, *зашивщик* ‘кто приставлен для зашивки чего, напр., тюков, кулей’ (т. 1, с. 1663).

Значение названных лексем прежде всего является характеристикой лица как субъекта определенного действия, которое оно выполняет по роду занятий. Напр., *больничник* ‘тот, кто смотрит за больными по роду занятий’, *гасильщик* ‘тот, кто гасит свечи по роду занятий’ и т.п. Кроме того, приведенные толкования свидетельствуют о том, что все названные существительные одновременно представляют собой характеристику лица и как объекта другого действия, субъектом которого является некий руководитель. Напр., *больничник* ‘тот, кого приставили смотреть за больными’, *гасильщик* ‘тот, кого определили для гашения свеч’ и т.п. Анализ содержания названных словарных толкований показывает, что род занятий лица мог восприниматься носителем языка XIX в. как следствие действия субъекта, занимающего более высокую должность в той или иной отрасли хозяйства Российской империи (назовем это действие, относящееся к служебной иерархии, иерархическим). По данным словарей этого периода, названное «иерархическое» действие могло выражаться следующими глагольными словосочетаниями: *кого-либо / куда-либо / для чего-либо определить, поставить, выбрать, приставить, назначить, употребить, поручить*.

Значение названных лексем может описываться в словарях и без присутствия компонента «пациенс»: *махинист* или *машинист* ‘ар-

тист, изобретающий новые и делающий изобретенные уже другими машины' (СЯ, т. 2, с. 694 – ср. выше со СТ); *гуменщик* 'смотритель гумна' (СБ, т. 1, с. 165 – ср. выше со Сл. 1847 г.); *аукционист* 'продающий вещи и имение с публичного торга' (СМ, с. 72 – ср. выше со СС); *дворник* 'служитель, имеющий смотрение за чистотою двора и за всем, принадлежащим ко двору' (Сл. 1847 г., т. 1, с. 311 – ср. выше со СС).

В некоторых словарных дефинициях субъект иерархического действия выражен лексемой или словосочетанием. *Ценощик* 'поставленный от городского начальства для оценки вещей' (Сл. 1847 г., т. 4, с. 423), *браковщики* 'лица, назначаемые для бракования **правительством** или выбираемые **купечеством**, называются браковщиками' (СТ, т. 1, с. 316); *браковщик* 'присяжный человек, выбираемый **купечеством** и определяемый при таможене, который, рассматривая товары, отделяет лучшие от худших, неспособных к употреблению или не имеющих надлежащей доброты' (СЯ, т. 1, с. 405) и др.

Значение описываемой группы наименований, корректное с точки зрения носителя языка XIX в., может быть представлено в следующих дефинициях: *больничник* 'тот, кого приставили смотреть за больными, тот, кто смотрит за больными по роду занятий'. У некоторых лексем толкования в том или ином словаре XIX в. близки к предложенному нами: *слоновщик* 'приставленный к слону, умеющий ходить за слоном', *разыщик* 'человек, употребляемый к разыскиванию, разыскатель' (Сл. 1847 г., соответственно т. 4, с. 130, т. 4, с. 39); *межевик* 'землемер, человек искусный в землемерии, посылаемый для межевания земель' (СС, ч. 1, с. 1783); *десятник* 'поставленный над десятью человеками, имеющий в своем ведении десять человек' (СБ, т. 1, с. 177).

Компонент «деятель» (активный деятель или носитель состояния) в значении лексем данной группы выражает сущностные признаки лица – его род занятий. Компонент «пациенс» отражает представления носителя языка XIX в. о централизованности, иерархичности государственного устройства и экономического уклада страны, зависимости отдельного работника от всей государственной и экономической системы и является социально обусловленным. В современном обществе род занятий определяется по характерным признакам трудовой деятельности человека.

В целом для суффиксальных существительных мужского рода со значением пациенса в русском языке XIX в. характерны следующие семантические процессы, обогащающие содержание исследуемых имен и приглушающие пассивное значение:

- появление у пассивного имени нового агентивного значения и возникновение полисемичного слова;
- появление компонента «агенс» / «носитель состояния» как варианта прочтения содержания искомой моносемичной лексемы со значением пациенс, обусловленного коммуникативно-прагматическими намерениями носителя языка;
- сосуществование пассивного и активного значений, дающих лицу разную характеристику: пациенс – по месту в структуре государственной или земской службы в Российской империи и агенс – по роду занятий человека.

Литература

1. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного* / под ред. В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1964. 600 с.
2. *Железнова Р.В.* Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI–XX). Душанбе : Дониш, 1988. 296 с.
3. *Прокопович Е.Н., Хохлачева В.Н., Шелихова Н.Т.* Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. / отв. ред. В.И. Борковский. М. : Наука, 1974. 222 с.
4. *Бахтурина Р.В.* Отглагольные имена лиц пассивного значения в древнерусском языке XI–XVI вв. // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М. : Наука, 1962. С. 186–192.
5. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. ; под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 1: Лингвистическая терминология словаря. Введение. М. : Языки славянской культуры, 1997. С. XVI–XXXV.
6. *Кибрик А.Е.* Пациенс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 682 с.
7. *Грязнова В.М.* Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX века : автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
8. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
9. *Русская грамматика.* М. : Наука, 1980. Т. 1. 783 с.

Использованные словари

- Опыт: *Опыт* Областного словаря великорусского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук под ред. А.Х. Востокова. СПб., 1852. 301 с.
- САР-2: *Словарь* Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–4.

СБ: Бурнашев Вл. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843–1844. Т. 1–2.

СД: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс Универс, 1994.

СМ: Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Составил по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и других. М., 1865. 718 с.

СС: Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых, каковы суть: названия богословские, философские, математические, к естественной истории принадлежащие, юридические, военные, относящиеся до торговли, художеств, ремесел и проч.» по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П.С.: с присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из Грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и введенной в употребление в нижних и средних учебных заведениях. СПб., 1834. Т. 1–2.

Сл. 1847 г.: *Словарь* церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1847. Т. 1–4.

СТ: Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб., 1863–1864. Т. 1–3.

СЯ: Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: астрономические, математические и пр. СПб., 1803–1806. Ч. 1–3.

PERSONAL MALE SUFFIX NOUNS WITH THE MEANING OF THE PATIENT IN THE 19TH-CENTURY RUSSIAN LANGUAGE (ACCORDING TO DICTIONARIES AND TEXTS)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 100–116.

DOI: 10.17223/22274200/13/6

Violetta M. Gryaznova, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Keywords: definition, dictionary interpretation, semantic agent, subject, object, patient.

The object of the study is the dictionary interpretation of masculine nouns with the meaning of the patient, taken from a variety of dictionaries that record the vocabulary of the 19th century, as well as from texts of this period. The article discusses various semantic processes in the content of names with the meaning of the patient.

First, the author describes derivation model which include personal masculine nouns with a passive meaning using the data dictionaries of the period. Then she shows that the downward trend in the names of persons with a passive meaning is expressed not only in the small productivity of models with this meaning, but also in the semantic processes in the content of words with the meaning of the patient. In general, the author describes these processes as the inclusion of non-passive semantics into the structure of

the name meaning with passive semantics, which is observed in both dictionary definitions and texts of the time.

Further, the author identifies the types of inclusion. First, she describes the combination of passive and agent meanings in the structure of a polysemantic personal name, which, in the opinion of the author, is due to the dynamics of the meaning of such words. Passive semantics of words reflects a “retrospective view” of the native speaker, emphasizing the starting point in the characterization of a person as the object of an action. The “view” of the native speaker stresses a non-initial point in the characterization of the complex state of the person, especially in the absence of pretext or mentions of the subject of an action, and is expressed in definitions that characterize the person as a bearer of a state.

The second type of inclusion of non-passive semantics in the content of the name with a passive meaning is the combination in the meaning of a monosemantic personal name of passive and non-passive components. The author believes that this type of combination suggests the possibility of a dual view of the language user on one and the same person, which, in general, is due to the complexity of the denoted realia and communicative intentions of the speaker. The choice of one or another semantic component reflects changes in the intentions of the speaker rather than changes in the real world situation.

Next, the author focuses on the third type of inclusion: the combination in the content of a monosemantic noun of the “patient” and “agent” semantic components, differing in the presence/absence of the indicator of the official position in its content. The component “agent” in the meaning of words of the given group expresses the basic features of the named realia – a person by his occupation. The component “patient” reflects the ideas of the 19th-century native speaker on centralization, hierarchy of the state apparatus and the economic structure of the country; it is socially conditioned.

Based on the above, the author concludes that in dictionaries and texts of the 19th century, the definition of names of a person with the meaning of the patient reflects processes that enrich the content of names under study and reduce passive semantics.

References

1. Vinogradov, V.V. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1964) *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka: Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the 19th century: changes in word formation and forms of the noun and the adjective]. Moscow: Nauka.
2. Zheleznova, R.V. (1988) *Iz istorii lichnykh imen sushchestvitel'nykh v russkom literaturnom yazyke (XI–XX)* [From the history of personal nouns in Russian literary language (11th–20th cc.)]. Dushanbe: Donish.
3. Prokopovich, E.N., Khokhlacheva, V.N. & Shelikhova, N.T. (1974) *Suffiksals'noe slovoobrazovanie sushchestvitel'nykh v vostochnoslavjanskikh yazykakh XV–XVII vv.* [Suffix word formation of nouns in the East Slavic languages of the 15th–17th centuries]. Moscow: Nauka.
4. Bakhturina, R.V. (1962) *Otglagol'nye imena lits passivnogo znacheniya v drevnerusskom yazyke XI–XVI vv.* [The verbal names of persons of passive meaning

in the Old Russian language, 11th–16th centuries]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Istoricheskaya grammatika i leksikologiya russkogo yazyka* [Historical grammar and lexicology of the Russian language]. Moscow: Nauka.

5. Apresyan, Yu.D. et al. (1997) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Is. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. XVI–XXXV.

6. Kibrik, A.E. (1990) Patsiens [Patient]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

7. Gryaznova, V.M. (1993) *Slovoobrazovatel'naya kategoriya suffiksals'nykh lichnykh sushchestvitel'nykh muzhskogo roda v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [The word-formation category of the suffixed personal nouns of the masculine gender in the Russian literary language of the 19th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.

8. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS.

9. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Dictionaries

Vostokov, A.Kh. (ed.) (1852) *Opyt Oblastnogo slovary velikorusskogo yazyka, izdannyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Experience of the Regional Dictionary of the Great Russian Language, published by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Russian Academy. (1806–1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu porядku raspolozhennyy* [Dictionary of the Russian Academy, alphabetized]. Parts 1–4. St. Petersburg: Tip. K. Zhernakova.

Burnashev, Vl. (1843–1844) *Opyt terminologicheskogo slovary sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [The experience of the terminological vocabulary of agriculture, manufacture, crafts and everyday life of the people]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tip. K. Zhernakova.

Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow: Progress Univers

Mikhel'son, A.D. (1865) *Ob'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney. Sostavil po slovaryam: Geitze, Beshereleya, Brokgauza, Aleksandra, Reyfa i drugikh* [Explanation of 25 000 foreign words used in Russian, with the meaning of their roots. Compiled using the dictionaries by Geise, Beshereley, Brockhaus, Alexander, Rafe and others]. Moscow: Izd. knigoprodavtsa A.I. Manukhina.

Sokolov, P. (1834) *Obshchiy tserkovno-slavyano-rossiyskiy slovar', ili Sobranie recheniy kak otechestvennykh, tak i inostrannykh, v tserkovno-slavyanskom i rossiyskom narechiyakh upotrebyaemykh, kakovy sut': nazvaniya bogoslovskie, filosofskie, matematicheskie, k estestvennoy istorii prinadlezhashchie, yuridicheskie, voennyye, otnosyashchiesya do tovgovli, khudozhestv, remesel i proch.: po porucheniyu Komiteta*

ustroystva uchebnykh zavedeniy sostavlennoe P.S.: s prisovokupleniem tablits skloneniy i spryazheniy, zaimstvovannykh iz Grammatiki g. Vostokova, napechatannoy v 1832 g. i vvedennoy v upotreblenie v niznikh i srednikh uchebnykh zavedeniyakh [General Church Slavonic-Russian dictionary, or Collection of words, both Russian and foreign, used in the Church Slavic and Russian languages: names of theological, philosophical, mathematical, natural history, legal, military, trade, arts, crafts, etc.: compiled by P.S. on the instructions of the Committee for the Organization of Educational Institutions: With tables of declensions and conjugations borrowed from the Grammar of the city of Vostokov, printed in 1832 and introduced in secondary educational institutions]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Second Division of the Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Division of the Academy of Sciences]. Vols 1–4. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Tolle, F. (ed.) (1863–1864) *Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya* [Desktop dictionary for reference on all branches of knowledge]. Vols 1–3. St. Petersburg: izd. F. Tollya.

Yanovskiy, N.M. (1803–1806) *Novyy slovotolkovatel', raspolozhenny po alfavitu, sodержashchiy raznye v rossiyskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tekhnicheskije terminy, znachenie kotorykh ne vsyakomu izvestno, kakovy sut' mezhdunarodnymi: astronomicheskie, matematicheskie i pr.* [A new explanatory dictionary, alphabetized, containing foreign words and technical terms that are different in Russian language, the meaning of which is not known to everyone, including astronomical, mathematical and other ones]. Vols 1–3. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk.